

Переславцы в дневниках Пришвина

1 апреля 1925

Сегодня в 5 утра приехал в Переславль.

День был солнечный, тепло. Жуки — музейные вредители — переползли на внутренние стены. В листве под деревьями, подпирая тонкую ножкой оживающее большое тело, начинали оживать разные жуки.

[...]

Сегодня весь день мы провели за стеной древнего монастыря, большого, способного вместить тысячи людей города, расположенного внизу на берегу озера. И было время, когда они все сюда и вбирались. Теперь внутри стен пусто, сняты языки с колоколов; возле архиерейского пруда, соответствующего локоть в локоть размерам Ноева Ковчега, бродят толстые две козы заведующего историческим музеем Михаила Ивановича Смирнова и с ними бегает дичающая девочка энтомолога Сергея Сергеевича [Геммельмана], который попробовал заниматься торговлей, разорился, испортил себе репутацию и — обиженный как бывший торговец большой платой за ученье — взял девочку из школы.

С колокольни была видна вся жизнь за стеной: озеро, ещё замёрзшее, но отделённое от земли кольцом голубых заберегов. Я думал о старом и новом. Я думал, отчего новое мне бывает более ясно, если я смотрю на старое, и почему ничего не вижу, кроме мёртвого-старого, если смотрю только на новое. Верно, тут действуют законы зрительного расстояния: глядя от старого к новому, у меня является перспектива, а от нового куда же мне ещё дальше глядеть?

1. Сергей Сергеевич 30 лет работал над жуками и попробовал торговлей и попал под закон о налоге, направленный на спекулянтов (те, кто бросил торговлю, вдвойне). Так что он теперь изготавливает коллекцию жуков.
2. Матриархат (собрать материалы о Свистуше).
3. «Сергей Сергеевич, — спросил я, — а есть у вас любимый жук?» Оказалось, жужелица.

3 апреля 1925

[В] 1757-м церковь Успенская. Пречистая на Горице. Елизаветинское барокко (всё голубое), Екатерининский иконостас (золото). Горнее место (единственное в России). «Песочек берут?» Какой-то архимандрит благочестивой жизни умер от холеры и погребён под храмом, на полу место могилы обнесено решёткой, и тут же за решёткой есть бугорок — это земля из-под храма, через пол выпирает песочек со святой могилы. Конечно, песочек покрыт, и монах сам достаёт из-под плиты горстью. Теперь каждый может плиту открыть и посмотреть, что песочек насыпан просто в жестяную коробку от карамели и даже надпись сохранилась: «Эйнем-смесь».

* Мы не включаем в выборку заметки Пришвина об охоте и о переславских крестьянах, делая акцент на рабочих музея и на замечательных местах. Текст приводится по книгам:

Пришвин, М. М. Дневники. 1923—1925 / М. Пришвин. — М.: Русская книга, 1999.

Пришвин, М. М. Дневники. 1926—1927 / М. Пришвин. — М.: Русская книга, 2003.

Посетителям, много понимающим в искусстве, Михаил Иванович показывает Елизаветинское барокко, и они часами стоят, любуясь игрой света на голубых колоннах и пухленьких ангелах, и этого хватает; если же посетители мало понимают, то Михаил Иванович их подвеселит, показав коробку «Эйнем-смесь».

Было однажды: один посетитель строгий и неподкупный: он презирал Екатерининское и Елизаветинское искусство и не улыбнулся на поповскую хитрость с карамелью. Что делать? Михаил Иванович стал блуждать глазами по стенам, хватаясь хоть за что-нибудь, только бы развлечь мрачного посетителя. И вдруг его глаз упал на фреску богатого и Лазаря: богатый толстый человек кипел в аду, а Лазарь-бедняк был высоко горе, в лоне Авраамовом. Мрачному посетителю Михаил Иванович сказал:

— Это буржуй кипит, а наверху пролетарий.

Тогда мрачный посетитель вдруг весь просиял и остался доволен Музеем.

1 мая 1925

Сергей Сергеич пошёл ловить жучка-скакунца. К нам прибежала Галя с очками: «Папа очки забыл!» — и бросилась его догонять. А Сергей Сергеич шёл боровым местом по песку и всё по солнышку, потому что знал, что эти жуки живут в знойном месте на солнце, и, чуть только падает тень, они скачут от неё. Много было скакунцов, но тень от Сергея Сергеича падала на них, и они скакали вперёд, без очков он их не мог так рассмотреть, подходил, снова падала тень — и скакали жуки. Как только мы с Галей принесли очки, Сергей Сергеич сразу увидел скакунца, поймал его и опустил в банку с каплей эфира.

Я оглянулся вокруг и увидел, что владения скакунца были в определённом ландшафте, и я думал: ведь и всякий мельчайший жук водится в своём ландшафте, и почему Сергей Сергеич не стремится схватить очертания, характер владений скакунца, чтобы представить хозяина как бы личностью, а спешит проколоть жука на булавку.

— У меня это есть всё, — сказал Сергей Сергеич, — но это я отбрасываю: мне нужно установить причины, а не качество жука.

Жизнь навозника неживое дело, хотел писать стихи, по диагонали вышли жуки: дело бескорыстное, и вот это бескорыстное дело теперь, через 30 лет начинает <1 нрзб.>. Таков был путь к свободе.

3 мая 1925

Не всё вылилось за ночь. Было прохладно и облачно-серо. Вдоль берега над озером пролетели четыре ласточки. Белка прыгала, очень заметная на слабо одетых деревьях, шкура у неё была ещё серая, зимняя, и только хвост порыжел. К полудню пошёл дождь, и, хотя вскоре перестал, но праздник смычки города с деревней был испорчен. Ко мне завернул с праздника рыбак, заведующий кооперативом «Красный рыбак» Василий Алексеевич Чичерев, и, когда я спросил его, чем он занимался до революции, ответил, служил в полиции, был приставом. Удивлённый сказал я: «Как же вы уцелели?» И он, тоже удивлённый моему вопросу, ответил: «А у нас в Переславском уезде ничего и не было». Тогда стало понятно, почему Ботик уцелел и люди попадают такие цельные: тут революции не было!

10 мая 1925

Северный ветер. Прохладно. «И хорошо, — подумал я, — пусть немного постоит время, а то с часу на час должен произойти массовый вылет комаров, и тогда прекратится охота, леса сделаются почти недоступными». Мы шли берегом озера к Никитскому монастырю с Михаилом Ивановичем, рассказывавшим мне о Никите Столпнике.

— Насыпали вал Переславской крепости, — рассказывал Михаил Иванович, — а он, Никита, был подрядчиком и, значит, конечно, брал взятки, грабил здорово! Я всегда теперь говорю: «Взятки брать можно, только потом надо раскаяться». Представилось тому подрядчику однажды, будто в горшке у него со щами голова человеческая, руки, ноги, есть не захотелось. Пошёл каяться в монастырь, а там не принимают: «Ты, — говорят, — три дня постой у ворот!» Когда прошло три дня, пошли монахи его звать — и нет его у ворот,

где же он? Поглядели, а он тут рядом в болоте по пояс голый стоит, и над ним целый столб комаров, и весь он в крови. Комариный ли столб, как это бывает, или подражание южным монахам, только Никита с того часу захотел, чтобы самому в столп войти. Там на юге-то тепло, они там стояли на угловых башнях столбами, а у нас не простоишь зимой. Вот тогда Никита взял и «ископа себе столп». Да так и простоял всю жизнь столпом в колодце. Я теперь и говорю: «Взятки брать можно, только надо иметь в виду, чтобы потом войти в столп».

Мы вошли в монастырь, осмотрели выложенный теперь камнем колодец Никиты Столпника, потрогали пудовые вериги. Монаха, единственного уцелевшего здесь, Михаил Иванович спросил:

— Ходят?

— Похаживают, — ответил монах.

— Вериги надевают?

— Возлагают.

— А эти камни зачем?

— На голову. Помогает от всех болезней.

Выходя из монастыря, я спросил Михаила Ивановича об этом монахе, и он ответил:

— Блудник!

Отойдя немного от монастыря, мы вдруг почувствовали перемену погоды: ветер почти совсем прекратился, на озере волны улеглись, стало очень тепло.

— Тут где-то сохранилось и то болото, — сказал Михаил Иванович, — помните, где по пояс стоял Столпник.

Оглянувшись вокруг, мы вдруг увидели на солнце серый столб, как бы смерч, немного подалеже был другой, там третий, четвёртый, везде, куда только ни хватит глаз, — был такой серый столб.

Не сразу мы поняли, что такой был вылет комаров. А между серым столбом было небольшое болото.

— Вот оно! — сказал Михаил Иванович.

И мы, учёные люди, неверующие, — явление природы, перенесённое за 700 лет, — стояли, поражённые совпадением рассказа о Столпнике с явлением комаровских столбов. Не было ни одной старушки, чтобы перекрестить и комариные столпы, последний монах-блудник не ведёт тоже, конечно, свою благочестивую летопись. Я отметил в своей записной книжечке: «Пятница. Мая в 6 часов вечера: массовый вылет комаров».

Вблизи Никитского монастыря, по всему крепостному валу древнего города Клещин, от которого больше ничего не осталось, рядом с Александровой горой, где в ещё более древнее время совершались жертвоприношения язычников, мы отдыхали, любуясь видом совершенно тихого озера.

— Нет, — сказал Михаил Иванович, — я с юности был этим отравлен, я не только не верю, но у меня даже и волнения нет в душе по поводу этого.

— Но это, — сказал я, указав на озеро, — это, Михаил Иванович, и наука нам, и трава зелёная, и небо, ведь это настоящее.

— Да, — ответил он, весь просияв, — я это люблю, это настоящее.

На радости мы откупорили бутылку вина и подкрепились стаканом портвейна.

Много мне рассказывал Михаил Иванович о лесном чудесном крае, о древностях, о... Восхищённый рассказами, <1 нрзб.> любви этого человека к своей родине, я сказал:

— Сколько вы сделали, вы у нас такой в этом единственный человек. Михаил Иванович ответил:

— Ну, ну... вот ещё, это не я, это край: край-то какой!

24 мая 1925

Переславские озёрные рыбаки издавна спорят с Усольскими речными и постоянно жалуются на их хищнический лов мелкой рыбы саками; сами, конечно, тоже бы охотно ловили, да саками в озере и не возьмёшь, и милиция следит. Обидно тоже Переславским, что рыба по временам из озера идёт вверх по реке и тут её перехватывают Усольцы. Зависти

к богатому лову сельдей Переславцами Усолицы не имеют, но имеют зато старую обиду к Переславцам за сутяжничество и с презрением говорят: «Мы работники коренные, а вы кто? Вас ведь Пётр Великий посадил тут, а мы жили с тех пор, как свет стоит».

11 марта 1926

В Доме Союзов Евг. Влад. Елховский читал о весне с диаграммами — сроки прилёта грачей, а рядом в гомоне готовился спектакль, все сидели, не обращая внимания на лектора, видно было только, как у него раскрывается рот. У него было пять слушателей.

13 мая 1926

Лёва увидел в притворе церкви XII в. нагажено, дверь выломана, он хотел написать корреспонденцию, но я остановил его и посоветовал опираться в таких случаях на акт. Он отправился, и я не хотел остановить его, потому что Мих. Ив. прислал мне самое нахальное письмо с угрозой выселения с Ботика. В результате в исполкоме схватились за это и докладывают Главнауке с просьбой об отводе Заведующего. Едва ли они, дураки, что-нибудь сделают, но если бы у них это вышло, то к лучшему. Какой это краевед, если ему на месте нет ни одного сочувствующего человека.

15 мая 1926

У Мих. Ив. две болезни: одна властолюбие, другая — скарденность, и одно идёт параллельно другому, так эти моменты сгущения власти приходятся всегда к денежным выдачам: служить из-за этого с ним невозможно. Самолюбие, материально подкрепляемое жадностью.

28 июня 1926

Приехал на Ботик: художник Борис Александр.¹ и <1 нрзб.> Александр Степанович.²

1 июля 1926

Река Игобла течёт пустынными болотами и в разных местах показывается по-разному: то едва заметным, шевелящим тростники ручейком, то вдруг откроется плёсом, широким, как озеро, то объявится речкой нормальной с каменистым, хрящеватым дном. В этом месте, где Игобла похожа на речку, у самого берега живёт болотная деревенька, тут часто жители рыбу ловят и непременно в валенках: а то хрящеватое дно реки режет ногу. Не от этого ли у рыбаков с Игоблы всегда ноги красные, и их в городе летом прямо по ногам узнают: как увидят красные ноги, значит с Игоблы.

В Игоблу впадает веточка Релка, и по ней в двух верстах от Игоблы устроился в царское время Релинский стекольный завод. Дрова дешёвые, сколько хочешь: на сто и больше вёрст кругом лес, и кроме того вблизи Релки отличные неистощимые прииски самородного песку. Словом, это место для стекольного завода настолько удобное, что стоять бы тут заводу вплоть до конца неистощимому самородному песку, а лес, сколько ни топись завод — никогда не победнеет.

— Мы сами виноваты, — говорят немногие, застрявшие здесь у разрушенного завода рабочие, — как только началась революция, при Керенском, стали сокращать время до шести, до пяти часов, и можно сказать вовсе перестали работать. А директор из поляков, ловкий такой человек, ездит в Москву и возит нам деньги. Так шло хорошо, и вдруг директор застрелился. Завод бросили и денег представлять нам перестали. Нам бы тут взяться за дело, а мы тащить всё помаленьку и расходиться.

¹ Кто же это? — *Ред.*

² Писатель Александр Степанович Яковлев. — *Ред.*

На месте остались только сорок вдов на пенсии, да около них десятка полтора стеклодуев. Эти вдовы занялись самогонкой, потому что вблизи находится Павловский метиловый завод, и дорога оттуда идёт через Релинский завод: мужики нарабotaются и непременно заезжают к вдовам выпивать. Наверно, всё-таки вдовам не сладко живётся, потому что об этом времени стекольного производства, одного из самых ужасных по губительной силе воздействия на человеческий организм, сохранились воспоминания, как о золотом веке. Непрерывно из года в год до последнего 1926 года здесь ожидали барина, который появится и восстановит завод. Однажды было, вдруг появился такой барин, осмотрел всё, обегал, захлёбывался от радости и, уезжая, обещался дать телеграмму, если он достанет денег на восстановление завода. Ждали, ждали и не дождались. Бывший механик, летописец местного края, записал в своей памятной книжке под датой 2 апреля 1926 года: «Сегодня с великим шумом рухнула труба».